

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУКОПИСНЫХ ГРАММАТИК

Зарождение лингвистической терминологии у восточных славян непосредственно связано с возникновением и развитием письменности, хотя первоначально специальных работ в этой области у восточных славян, возможно, и не было. Некоторые исследователи, в частности И. В. Ягич, категорически утверждали, что грамматической рукописной литературы, возникшей непосредственно на восточнославянской основе в период до XVI века, не существовало [см. 6, 38–76].

Между тем языковедческие трактаты, известные в списках с более ранних лингвистических сочинений, послужили основой работ по языку на украинских и белорусских землях, находящихся с XIV–XV вв. в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой [подр. см. 1, 12–108]. Но в первых отечественных языковедческих работах, как известно, собственно русский, украинский и белорусский языки не рассматрива-

лись в качестве самостоятельных лингвистических понятий почти до конца XVI века; это были работы о книжном церковнославянском языке, общим для всех восточных славян.

Первым славянским грамматическим сочинением в исторической лингвистике считается статья «Осьмь чести слова, елико глаголемь и пишемь» (более известна под названием «О восьми частях слова»), составленная, по-видимому, в Сербии в XIV веке (дошла до нашего времени в списках XV–XVII вв.). «Традиция приписывала греческий первоисточник статьи видному византийскому богослову, философу, поэту Иоанну Дамаскину (ок. 650 г. – до 754 г.), впоследствии канонизированному православной церковью» [3, 26]. Составитель привлек различные греческие труды по грамматике и постарался отыскать в своем родном языке грамматические категории, описанные греческими авторами. В статье восемь частей речи именуются следующим образом: «Суть же убо слова чести осьмь елика глаголемь и пишемь вьне сихъ ничтоже есть. Суть же сiе **име, речъ** (глагол), **причестие, различiе, место-имене, предлогъ, наречiе, съюзъ** (союз)» [4, 29]. Об имени говорится, что оно бывает *собное* и *общее* (собственное и нарицательное), имеет три рода: *мужьскыи, женьскыи* и *среднii*, пять *падений* (падежей), «яже суть сiе **права, родна, виновна, дателна, звательна**» [4, 329], три числа – **едино, двойно, множно**. Кроме того, в указанной работе используются такие грамматические термины, как *супружества* (спряжение); *время настоещее, будущее, мимошедшее, протяженьное, неопределное, надпределное*; *лицо*; *действенный залог*; *страдательный залог*; *изложенiе* (наклонение) *повеленное, молитвiное, вьпросное, звательное, повестное, необавное*; *вид прьвообразный и преводной* и т. п. В соответствии с греческой грамматической традицией в состав одной категории имя были включены существительные, прилагательные и числительные, которые действительно сходны между собой по значению (обозначают предметы и их свойства) и по форме (обладают системой падежного склонения).

В XV в. Дмитрием Герасимовым были сделаны переводы сочинений латинского грамматиста Доната «Книга глаголемая Донатусъ меншей в ней же беседует о осмии частех вещания» (XIV в., сохранились в списках XVI в.), благодаря чему греческие и латинские традиции в системе терминов и понятий вступили в определенное взаимодействие на славянской почве, например, *различiе, проимение, речъ* (глагол), *слово* (глагол) и др. [см. 2]. В терминологии Доната (Донатуса или Адонатуса) в самостоятельную часть речи (*часть вещания*) впервые выделено междометие,

названное термином *различие* (вероятно, переводчик решил использовать уже известный термин, наделив его новым значением), введено понятие о *степенях прилагания*, т. е. степенях сравнения, об *уклонении* – склонении, а также термины *наречие по знаменованию* (по значению), то есть в современном понимании наречия места, времени и т. д.

Почти все термины обеих названных рукописных грамматик – кальки соответствующих греческих или латинских терминов. В то же время анализ текстов грамматик, особенно примеров, содержащихся в них, показывает, что первые грамматисты хорошо знали родной язык и проявили весьма тонкую наблюдательность и лингвистическое чутье при выборе того или иного термина для обозначения грамматических явлений. Как отмечает Р. М. Трифонова, следует также учитывать и то, что в типологическом отношении славянский язык, с одной стороны, и греческий и латинский, с другой, обладали весьма большим сходством, которое, несомненно, видели авторы первых славянских грамматик [см. 5, 6–7].

В связи с этим названные грамматические работы можно рассматривать как первый опыт наложения типологических схем одного языка (греческого или латинского) на другой типологически родственный язык (славянский), в результате чего зародилась славянская грамматика и грамматическая терминология.

1. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. – СПб., 1904. – Т. 1. – 1248 с.
2. Донат. Книга глаголема Донатусъ меншей в неи же беседует о осми частех вещания.../ в пер. Дм. Герасимова // Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. – СПб., 1885–1895. – Т. 1. – С. 816–873.
3. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1984. – 159 с.
4. «Осьмъ честии слова, елико глаголемъ и пишемъ» // Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. – СПб., 1885–1895. – Т. 1. – С. 328–334.
5. Трифонова Р. М. Истоки русской грамматической терминологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 17 с.
6. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. – СПб., 1885–1895. – Т. 1. – С. 289–1070.